

НАУКА О ПОВЕДЕНИИ — ДЕТЯМ

Наталья Ефремова,

антрополог, старший преподаватель Московского государственного областного университета

Почему «этология»?

Работая в лагере «Кавказ» преподавателем программы «Всему учит море», я подготовила курс о поведении животных, назвав его «этология». Возможно, это название покажется незнакомым, непонятым. Этология как учебная дисциплина — редкость. Её преподают только в некоторых вузах как спецкурс. С биологическими основами поведения животных студенты обычно знакомятся, изучая зоопсихологию и теорию рефлексов. Однако за рубежом эти направления считаются пройденным этапом. Действительно, расцвет их приходится на первую половину XX века. А мы живём уже — подумать только — в первой половине следующего, XXI века. Уже несколько десятилетий науки о поведении обобщают термином *ethology*. Есть такая глава и в западных школьных учебниках по биологии, по праву считающаяся одной из самых интересных. Да ведь и передачи про животных, которые так любят дети, в первую очередь рассказывают об удивительных повадках живых существ. Почему же мы должны учить школьников строению цветка или позвоночника?

Итак, если мой супруг, Кирилл Ефремов, затеял преподавать какую-то «экологию», то пусть у меня будет «этология». У курсов похожи не только названия, но и темы. Но при этом мы всегда соблюдаем гендерные различия: с мужской стороны идёт упор на интеллект

и внешние эффекты, с женской — на чувства и внутренний мир. Если «эколог», облачившись в цветастую рубашку, шумно просвещает и вдохновляет, то моя задача — воспитывать, помочь слушателям присмотреться к самим себе.

Этология — новый, гуманный виток в познании природы, отказ от стремления заполучить её тайны силой. Этолог наблюдает за естественной жизнью животных, оставаясь при этом незаметным. По сути, эта область знаний очень созвучна модели гуманитарно-экологического образования и воспитания. Искусственный мир, техника, точные науки, жадное потребление, индивидуализм — эти идеалы уходят в прошлое. Новые идеалы — природа, человек, общество. Одно из направлений современной философии, эволюционная эпистемология, убеждает, что всё лучшее — от генетической

программы до инстинкта самосохранения, от полезных ископаемых до эстетических ценностей — человек получил у природы. А что взамен? Пора научиться быть благодарными!

Младшим — про животных

Однако животные — это животные. Что же в них воспитательного? Едва ли мы выставим примерную оценку по поведению, скажем, обезьянам. И всё-таки. Многие из нас считают, что в мире животных царят анархия, жестокость, дикие страсти. На самом же деле биосферой управляют чёткие законы экологии и поведения, где соблюдаются своеобразные правила хорошего тона и кодекс чести. Птицы, звери, рыбы и даже более мелкие твари трогательно

ЭТОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА: НАУКА, ДИСЦИПЛИНА, ПРЕДМЕТ СПОРОВ

Студенты факультетов психологии обычно знакомятся с основами поведения в курсе «зоопсихология». Однако среди наук о поведении это направление самое старшее, если не сказать «антикварное». Зоопсихология, изучавшая некое «психическое отражение на уровне животного», развивалась усилиями натуралистов XIX века и поначалу содержала много антропоморфизмов — животные наделялись способностью размышлять и чувствовать, как человек (были там и «восторженные улитки», и «свиные пауки»). Научная база создавалась постепенно. В нашей стране в этой области работали такие учёные, как Н.Н. Ладыгина-Котс, изучавшая поведение приматов, и В.А. Вагнер, исследовавший «умные» инстинкты у низших животных.

Очевидно, что системное образование психолога должно включать в себя знакомство с разнообразными формами поведения живых существ. Но пока в большинстве отечественных психологических вузов единственным окном в этот мир продолжает служить зоопсихология. Через это старинное окошко Курт Фабри, последователь Вагнера, ухитрился показать многие достижения «реакционной буржуазной науки». В своём учебнике «Основы зоопсихологии» (МГУ, 1976) Фабри замаскировал эти сведения терминами идеологически выдержанной советской психологии. Поэтому учебник (который и сегодня штудируют первокурсники) содержит такие курьёзы, как «психическое развитие инфузорий» или «высший уровень элементарного развития психики кольчатых червей».

Всё-таки психика — явление слишком сложное, нелинейное и непредсказуемое, чтобы сводиться к сумме рефлексов, алгоритмов, поведенческих актов. Психика появляется только на высоком уровне развития мозга, когда он перестаёт быть простым «диспетчером движения», а становится носителем информационной оболочки, картины мира.

Наделение психикой всех тварей земных в XIX веке было попыткой преодолеть декартовское представление о животных как о «биологических автоматах» (благодаря которому вивисекторы утверждали, что крик оперируемых зверей — это скрип плохо смазанной машины). Хотелось найти у животных «живую душу», психическое начало. Но уже на рубеже XX века эту позицию буквально подняли на смех, назвав её «методом анекдотов».

Ещё один «антиквариат» — сравнительная психология, процветавшая в 1920–1940-х годах. Её основоположник, американец Эдвард Торндайк отметил, что разные виды животных обучаются с неодинаковой скоростью, и предложил развивать это направление. Однако эта наука вскоре стала «сравнительной» с точностью до наоборот. Вместо множества пёстрых видов она предпочитала изучать только

заботятся о потомстве, умеют смягчить конфликт, рискуют жизнью ради спасения собратьев. Чем лучше вооружено животное, тем осторожнее оно проявляет агрессию. Например, обладатели острейших рогов не «бодаются», а только покачивают шеей, чтобы ненароком не ранить собрата. Иначе вид истребит сам себя. По существу, комплекс поведенческих реакций направлен на выживание. Это относится и к человеку. Недаром он подчиняется многочисленным правилам поведения, заповедям, законам. Стоит их нарушить, как вспыхнет встречная агрессия и под угрозой окажется здоровье или сама жизнь. Необходимость выживания лежит в основе цивилизованной этики. Осознание детьми этого факта даёт весомый вклад в их воспитание. «Делай так — не потому, что я тебя заставляю, а потому, что это полезно и безопасно».

Форма наших занятий — беседы, обсуждения, игры. Научной информации я даю немного, зато стараюсь организовать диалог, вовлечь моих слушателей в беседу, сделать их рассказчиками, заставить двигаться. Особенно малышей.

На одном из первых занятий мы ведём речь о животных, оказавшихся рядом с человеком: в зоопарке, цирке, дома. Интереснее всего ребятам, чем звери питаются в зоопарке. Об этом я знаю не понаслышке — приходилось стряпать для целой оравы обезьян. А затем я прошу самих ребят рассказать о своих домашних питомцах. — Ой, у нас дома такие животные! Они чудесные! Умные-разумные! Мой кот умеет пить сок из трубочки. Я как приеду — сразу обниму свою собачку...

Все эти их собаки-кошки-хомяки, оказывается, могут ладить друг с другом, любят хозяев и даже лечат их. Кошка прижимается к больному месту. Собака зализывает царапину на коленке. Кстати, существует ведь даже такая область медицины — анималотерапия, лечение с помощью общения с животными.

Уезжая в лагерь, дети скучают по своим питомцам не меньше, чем по родителям. И такой разговор помогает кому-то избавиться от грусти, подавленности. Кроме того, это хороший способ самовыражения, самоутверждения. Вначале высказываются самые активные. А потом? Я заметила, что те, кому трудно адаптироваться в лагере, человечки маленькие и несчастные, стараются что-нибудь напридумывать: — А у нас из леса пришёл волчонок, и моя кошка, нет, десять котов, чуть его не загрызли, огромного волка... — и запутываются, замолкают. И тогда важно отвлечь внимание, пошутить, заговорить совсем о другом, чтобы на этом ребёнке не «повисло» обвинение во лжи, а запомнилось только его участие в диалоге.

На другом занятии мы подбираем эпитеты из мира животных. Кому? Да хотя бы будущей жене! Хотя до свадьбы и далеко, всё же: какая у вас будет жена? Вначале — молчание, недоумение. А затем — сравнения посыпались, как горох. — Запасливая, как белка! Честолюбивая, как кошка! Верная, как лебедь, пёстрая, как собака, послушная, как муравей, с фигурой, как у гепарда (но без веснушек), решительная, как сова, внимательная, как орёл, весёлая, как дельфин...

А ведь это говорят мальчишки, которые только что были склонны заявить: «Я вообще никогда не женюсь!» На мой взгляд, совсем не

плохо приучать детей к мысли о том, что их будущее — семья. Сегодня многие думают, что семья не так уж нужна, что дети способны расти сами, а их воспитание можно поручить высоким технологиям. Однако, как антрополог, я убеждена, что естественное «экологическое» состояние человека — это жизнь в большой семье, объединяющей членов самого разного возраста. Именно такие условия позволяют успешно сформировать «блок социальных отношений» как важную составляющую психики.

Продолжая занятие, мы подбирали эпитеты для других образов: друга, мужа, ребёнка. Отчасти это занятие я задумала и как альтернативу одному психологическому тесту, который мне откровенно не понравился: подбери, на какое животное похож каждый из твоих одноклассников. — Мишка похож на ишака! — Протестую: так прививается негативизм не только к соседям, но и к животным.

Ещё мы играем в животных. Их надо изображать, и не просто «ква-ква!», а со знанием дела и в разных ситуациях. Дети, кстати, быстро переходят от индивидуальной игры к коллективной: сами привлекают товарищей, распределяют роли и разыгрывают сцены.

Особое занятие — наблюдение. По моему заданию три-четыре человека изображают друзей, а один — того, кто в их круг не допущен. Остальные наблюдают и записывают их действия, движения, реакции. Затем игроки меняются ролями. Так ребята учатся не только смотреть, но и видеть. Во время обсуждения они вдруг подмечают, что играющий роль аутсайдера вначале был доволен свободой, а потом всё-таки хотел обратить на себя внимание, и если не удавалось, то неосознанно действовал, как настоящий аутсайдер. Плохо быть в стороне! Кстати, мальчики предпочитают отмечать действия, а девочки внимательнее к мелким деталям («удивлённые глаза», «покраснела»). Вообще-то вначале мы обычно наблюдаем за животными: за чайками, муравьями, ручными грызунами, за собаками и кошками. И лишь затем — за человеком.

Старшим — про людей

Подростковый возраст — время изменения интересов: от природы к обществу, от внешнего к внутреннему миру. Подросток активно решает задачу социализации, учится самостоятельно жить во взрослом мире. Следовательно, и говорить мы будем не столько о животных, сколько о людях. Лучше о тех, кто нам нравится. Какими чертами нужно для этого обладать? Попробуем выяснить, в чём секрет привлекательности. — Каким должен быть парень? — Спрашиваю я у отряда девчонок. — Пусть будет жизнерадостный, нежный, одевается стильно, повыше ростом, спортивный. Пусть не матерится и табаком не пахнет. Пусть походка будет не как у медведя, руками не машет, не шаркает. На животе — квадратики мускулов. Пусть не свистит и может о чём-то поговорить, но не навязчиво, а весело. Пусть посмелее приглашает — надоело стоять на танцах!

А что нравится мальчикам? Какой у них идеал девушки? — Спина лучше не обгоревшая. Ногти покороче, а то страшно. Мень-

крысу и голубя, а вместо врождённых стереотипов (позволяющих сравнить генетически обусловленные различия поведения) — научение и другие приобретённые реакции.

В тот же период — в первой половине XX века — успешно развивался бихевиоризм, созданный американцем Дж. Уотсоном. Бихевиористы рассматривали животных как «самодвижущиеся установки», отвечающие одной и той же реакцией на дозированное раздражение. А то, что некоторые крысы всё-таки проявляли «характер», исследователи считали досадной помехой. Позднее бихевиористы признали, что животные обладают индивидуальностью и что в процессе научения они создают мысленные образы, а не только реагируют на стимул.

Бихевиористы предлагали использовать такие понятия, как «стимул», «реакция», «образование навыка», вместо расплывчатых понятий «сознание», «психическое состояние», «интеллект». ... Этот нарочитый аскетизм обогатил науку методами количественного учёта активности, а следовательно — возможностью изучать поведение языком математики.

В советском государстве также царил свой аскетизм: поведение трактовалось как совокупность рефлексов и изучалось физиологией высшей нервной деятельности. Вопреки своему названию эта наука сосредоточила внимание на самых низших феноменах поведения — рефлексах, торможении, сне.

Представителями упомянутых наук двигала в первую очередь картезианская тяга к знаниям. Работы классиков пестрят жутковатыми описаниями экспериментов с удалением тех или иных частей мозга, конечностей и прочих органов у подопытных кошек, собак, обезьян. При этом зверей окликали по имени, ласково: «Единственную оставшуюся ногу Стеша продолжает отдёргивать после воздействия кислоты...» Когда же познакомишься с книгами этологов, ощущаешь искреннюю симпатию к животным.

Этология возникла как альтернатива лабораторным наукам о поведении. Вопреки своему названию (гр. «этос» — дикий нрав) она отличается гуманностью и добротой по отношению к «братьям нашим меньшим». Изучая какой-либо поведенческий акт, этолог пытается выяснить четыре вещи: механизм, индивидуальное развитие, эволюционную предысторию и приспособительное значение этого акта. Этология старается наблюдать животных в природных условиях и в нормальном состоянии (а не в пустой клетке и с ампутированными ногами).

Принципы этологии оказались очень плодотворными. Появилась возможность ответить на детские, то есть самые интересные (хотя и не всегда приличные), вопросы: Что это? Откуда берётся? Зачем нужно? В том числе и по отношению к человеку — ведь элементы нашего поведения тоже имеют своих «предков» и «родичей».

Неважно, о чём ты думаешь, важно, какие ты производишь действия в ответ на те или иные стимулы, — вот точка зрения этолога. Это удобно — хотя бы для психологической диагностики. Примеры? Пожалуйста. При депрессии взгляд ищет светлое пятно, плечи сжимаются, голос понижается в конце фраз. Шизофрения увеличивает активность нижней части лица (губы чмокают, складываются в неестественную улыбку или в хоботок), а маниакальность — верхней (появляются бегающий взгляд, прищур, взлетающие брови). Эйфория вызывает несогласованность движений верхней и нижней половин лица, а мрачные переживания — правой и левой. При напряжённом ожидании мужчины чаще хватают себя за нос и мочки, а женщины потирают бёдра. Поднятые брови и отталкивание пепельницы на столе выражают скрытую агрессию, фиксация рук на животе — страх, а в области шеи — тревогу. Хватит? Всё это не слишком ново: интуитивное умение читать «язык жестов» развивается испокон веков. Этология же превращает это умение в науку, даёт системность, понимание «откуда и зачем».

Мать и младенец, учитель и ученик, индивид и толпа — всё это объекты пристального изучения разных направлений этологии — педагогической, политической, социальной. Умение наблюдать действия и анализировать их природу рождает настоящие откровения, заставляет удивляться тому, что казалось самым обыкновенным.

Официальная советская наука этологию долгое время не признавала. На сессии АН СССР 1950 года был утверждён единственно верный путь в поведенческих науках: «павловское учение» (хорошо, что сам Иван Павлов уже не мог увидеть, что под этим подразумевали). Остальное — якобы лженаука. Впрочем, нельзя сказать, что у «лженауки» не осталось никаких шансов. Специалисты по высшей нервной деятельности проводили самые разные исследования поведения. В 1970-х годах в работу вовлекались большие коллективы учёных, располагавшие неплохим оборудованием и возможностями наблюдать животных — в экспедициях, зоопарках, вивариях. Широко применялся сравнительный и эволюционный подход. Массовая аудитория тоже получала пищу для ума. Большой резонанс имели исследования Л.В. Крушинского по рассудочной деятельности животных, Л.Г. Воронина по рефлексам и Л.А. Фирсова по поведению приматов. Были переведены на русский язык книги К. Лоренца, Н. Тинбергена, Р. Хайнда, учебники Р. Шовена, Д. Дьюсбери и Д. Мак-Фарленда, которыми зачитывались даже школьники.

Принципы этологии приобрели известность. Однако открыто проецировать их на человека никто не решался — слишком уж это противоречило не только идеологии, но и этике, внутренним убеждениям. «Человек должен воплощать свободу мысли и воли, в нём нет места звериным инстинктам...» Среди первых, кто отбросил этот стереотип, были психиатры, хорошо представляющие себе, как обнажается «животное» поведение при психических заболеваниях. С 1984 года группа психиатров организовала в Крыму проведение ежегодных коллоквиумов по этологии человека. Выступления происходили на морском песке или прямо в море на сцепленных водных велосипедах и матрацах, на плато Чатыр-Дага и Ай-Петри, в пещерах и лесах... Звучит как легенда, но это правда.

Массовый читатель узнал об этологии человека в первую очередь благодаря публикации интереснейших статей зоолога Виктора Дольника на страницах журнала «Знание — сила», имевшего в то время огромную аудиторию. Откровения этоса вызвали бурную реакцию. От Эстонии до Камчатки — одни возмущались, другие горячо поддерживали. Впоследствии В.Р. Дольник выпустил две книги о поведении: «Непослушное дитя биосферы» (М.: Педагогика, 1994) и «Вышли мы все из природы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей» (М.: Linka Press, 1996). Кроме того, его статьи всегда доступны в особом разделе сайта www.znanie-sila.ru.

На Западе подобная «утечка информации» произошла намного раньше — прорыв осуществил зоолог Дезмонд Моррис. В 1967 году он опубликовал книгу «Голая обезьяна», где весьма цинично проанализировал «зоологию человека» — его половое, пищевое, агрессивное поведение так, будто это не венец природы,

ше косметики и блёсток, и духов — от них голова болит. Пусть носит короткие юбки, а сама будет добрая и нежная. Ноги не загибать, о стенки не опираться! Походка ровная, не сутулая. Чтоб здоровались и не вредничали. И глаза не пустые...

Собрав все пожелания, я, словно в день Св. Валентина, передаю их адресу — другому отряду. И со временем вижу: что-то произошло. Ребята подтянули животы, изображают джентльменов, девушки перестали грубить и класть ложками тушь на ресницы. Стали критичнее относиться к себе. Здравуются. Более приветливы на дискотеке.

От занятия к занятию

В нескольких словах обрисую темы отдельных занятий курса «этология».

1. Поведение человека и животных: общее и различия. Своеобразие поведения человека в постоянном использовании инструментов, высокой социальности (следовательно, потребности в обществе), в сложной коммуникации, в способности к вербальному мышлению. Многие черты человеческого поведения присущи детёнышам животных: любопытство, игривость, общительность, дружелюбие, стремление к ласке.

2. Эмоции. Когда-то животным отказывали в наличии чувств. На самом деле животные гораздо эмоциональнее, чем человек, — подавляющий чувства рассудком. Как проявляются эмоции? По каким реакциям мы узнаём, что человек боится, сердится, радуется? А собака? А другие животные? А как мы определяем неискренность в выражении чувств?

3. Воспитание и дрессировка. Выработать правильные действия, довести их до автоматизма — задача дрессировки. Поощрение — более тонкий инструмент, чем наказание. Пользоваться им сложнее, но работает он успешнее. Дрессировка скорее связана с выполнением чужой воли, тренировка — своей. При воспитании добавляются элементы убеждения, осмысления, воздействия примером и пр.

4. Природа нетерпимости. В перенаселённых человеческих обществах естественная враждебность к чужаку осуждается, как опасное качество. Цивилизация воспитывает толерантность, но не абсолютную.

Сколько должно быть свободы и терпимости в обществе? Что такое инаковость или почему бьют белую ворону? Почему враждуют народы, деревни, улицы, семьи? Бывает ли такое у животных?

5. Ребёнок, подросток, взрослый. Особенности поведения животных и человека на этих этапах жизни.

6. Что такое социальная группа. Структура группы. Цементирующие силы группы: подчинение, дружелюбие, сотрудничество, поиск внешнего врага, тайна, игра.

7. Два полюса группы. Лидер и аутсайдер. Вожак и подчинённый. Различия в поведении. Кем быть выгоднее? Почему вожаков мало, а подчинённых — много? Какова приспособительная роль подчинения?

8. Ритуалы ухаживания. С чего начинается союз двух любящих сердец. Универсальные механизмы ухаживания: демонстрации и брачные ритуалы.

9. Мать и дитя. Волна инстинктов во взаимоотношениях младенца и матери.

10. Научение. У кого учатся животные? Автоматическое запечатление (импринтинг). Метод проб и ошибок. Озарение (инсайт).

Так проходит одно занятие за другим. За день ко мне может пожаловать двести-триста детей. Значит, придётся развить мощностность в триста воспитательных сил! Как этот трактор, который в очередной раз проехал мимо нашей беседки. Попробую-ка погромче. — Ребята! Посмотрите на меня, а не на трактор! — Ещё шумит море. А со стадиона доносится скандирование тысячи юных голосов:

— «Кавказ» — это круто! «Кавказ» — это класс! Мы любим — Анапу! Мы любим — «Кавказ»!

И по соседству репетирует духовой оркестр. О, эти звонкие трубы! Боюсь, к вечеру охрипну окончательно. И всё-таки как это замечательно: живое общение с детьми, да на самые свои любимые темы, да босиком и на воздухе... **Н**

а некое абстрактное млекопитающее, которое учёный именуется исключительно «голой обезьяной». Книга полна описаний сексуальных и иных жизненных отклонений, биологических трактовок достижений культуры, выпадов против церковников, политиков и военных. Общественность разделилась — часть была в восторге, часть в шоке.

Сегодня «Голая обезьяна» уже не кажется такой экстремальной — простое, местами весьма скромное и наивное толкование приспособительного значения биологических черт человека. Недавно эта книга появилась и в русском переводе (СПб.: Амфора — Эврика, 2001) — не прошло и сорока лет. Сохранилась ли в ней «эврика»? Сохранилась. Книга по-прежнему вызывает интерес. Огромное значение Моррис придавал хищным наклонностям и сексуальности человека, выделяющими его среди приматов. Высокую агрессивность, как особенность нашей этологии, он призывал сдерживать культурой, чтобы выжить в условиях чудовищной перенаселённости.

Подход Морриса отнюдь не революционен — прилагать законы эволюции к «венцу творения» и искать аналогии в поведении человека и животных ещё в XIX веке отважился Чарльз Дарвин. Его-то, видимо, и следует считать основателем этологии человека. Так сказать, идейным вдохновителем. А научно-методическую базу заложили в начале 1970-х нобелевские лауреаты Нико Тинберген и Конрад Лоренц. Книга К. Лоренца «Агрессия» (М., 1995) является прекрасным образцом синтеза этологии и человековедения.

В немецком городке Андексе К. Лоренц организовал Институт этологии человека (при Обществе Макса Планка). Впоследствии его возглавил Иренаус Айбл-Айбесфельдт. Многочисленные экспедиции к индейцам аянами, бушменам, микронезийцам, папуасам и другим архаическим племенам позволили коллективу института отснять километры плёнки, анализ которой породил особое направление — видеоантропологию. Ведь чтобы распознать черты поведения нашего вида, нужны многие наблюдения за людьми, не скованными этикетом, — это могут быть и «дикари», и дети, и психически неполноценные люди из самых разных этнических групп.

Эти сведения ныне активно используют медики — без этологии, как они полагают, психиатрия становится «безмозглой», ибо расшифровка поведения — основа диагноза, а возможно, и лечения. Крымский психиатр профессор В.П. Самохвалов выпускает интереснейший «Таврический журнал психиатрии», в котором публикуется множество материалов по этологии человека.

В России этологию агрессии и развитие иерархических отношений у детей изучала антрополог, доктор биологических наук М.Л. Бутовская. Под её редакцией был опубликован сборник «Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы» (М.: Старый сад, 1999). Много лет исследует поведение приматов и человека (а конкретно — «микрoэтологию»: мимические, эмоциональные и двигательные стереотипы) профессор М.А. Дерягина, преподававшая этот предмет в нескольких московских университетах. На биологическом факультете МГУ неизменно успешно пользуются лекции по биополитике доктора биологических наук А.В. Олескина, недавно выпустившего одноименную книгу (М., 2001). Биополитика — это практическое применение наук о поведении на основе анализа социально-политической деятельности человека.

Научно-популярных работ о биологических основах поведения человека немного. Кроме упомянутых выше книг, можно порекомендовать статьи К.Д. и Н.С. Ефремовых на страницах журнала «Знание — сила» (они доступны и в Интернете на сайте www.znanie-sila.ru).